

„Беседа валаамских чудотворцев“ — памятник позднего нестяжательства, вышедший из среды севернорусского монашества. В духе Вассиана Патрикеева и Максима Грека ее автор рассматривает, как „погибель, что иноком волости владети и мир судити и от них по христианом приставом ездити и на поруки их давати и пьянству в иноках быти и мирскими слезами кормитися“.¹

Выступает автор „Беседы“ и против податных и иных привилегий монастырей, считая не „богоугодным“ делом, „что инокам из миру, аки царевым мирским приказным сбирати себе всякие царские доходы“.² Богатство монастырей держится на эксплуатации „мирян“ и „бельцев“, т. е. светских служебников, детенышей и крестьян, находящихся в тяжелом положении. Мы, пишет автор, „покоим себе пьянством и брашном от тружającychся нам и от мирян вся лучшая именуем брадкую пищу и питие себе, а не тружającymся на нас, ниже милующих и питающих нас. Зависти ради лишаем бельцов от брашна своего лучшаго; а по достоянию подобает пища и питие, лучшее все мирянном и тружającymся на нас, а не нам, иноком“.³ Все эти пороки монашеской жизни для автора — „новая ересь“.⁴ Филиппики автора „Беседы“ против „пьянственного жития“ монахов перекликаются с приговорами 1580—1584 годов, направленными против монастырского землевладения. В них подчеркивалось, что монастырские села „в пустош изнуряютца ради пьянственного и непотребного слабого жития многообразне“.⁵

Непримиримая вражда к стяжательству монахов сочетается у автора с протестом против участия монашества в политической жизни. В условиях конца XVI—начала XVII века это означало выступление против церковной иерархии, в которой важнейшие посты захватили политические противники нестяжателей — осифляне. В середине XVI века, когда у власти находился близкий к нестяжателям Сильвестр, когда вопрос о победе осифлян или нестяжателей был не вполне ясным, проповедь отхода от участия в политической борьбе не могла слететь с уст сторонника нестяжателей, предлагающего к тому же целый ряд преобразований в социально-политическом строе страны.

Автор „Беседы“ выступает с теорией богоутвержденности царской власти⁶ и с проповедью покорности царям.⁷ В соответствии с идеологией растущего самодержавия, он считает, что „достоит царю грозну быти“.⁸ Правда, „гроза“ царская должна быть смиренная.⁹ Самодержавие представляется автору в виде царской власти, сочетающейся

¹ Беседа... стр. 13.

² Там же.

³ Беседа... стр. 15—16. Ср. „на нас, иноков, по вся дни тружаются без выбору и нас, иноков, питают своими вольными и невольными трудами, во всем пред нами послушание творят. А мы, оказания, ... лишаем таковых богоизбранных брашна своего“ (там же, стр. 17—18).

⁴ „Новая ересь, что инокам волости со христианы владети и мир им судити и на поруки им давати и приставом по них инокам посылати и из миру всякие царские доходы, аки царем и прочим мирским властем, иноком собирати и мир слезити, и во обителих пьянству и сладости быти... и от бельцов собину себе лучшая пища и питие держати“ (Беседа... стр. 21).

⁵ См.: СГГД, 4. 1, № 200, ср. № 202.

⁶ „Богом бо вся свыше предана есть помазанику царю и великому богом избранному князю. Благоверным князем русским свыше дана есть богом царю власть надо всеми“ (Беседа... стр. 2—3).

⁷ „Покоряйтеся благоверным царем и великим князем... и во всем им прямите“ (Беседа... стр. 2).

⁸ Беседа... стр. 10.

⁹ Там же, стр. 24.